

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИГРАФИИ И ТОПОХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

(по материалам зарубинецких могильников Чаплин и Велемичи I)

V.E. Eremenko. *New Perspectives in Study of Planigraphy and Topochronology of Early Iron Age Cemeteries (on Materials of Zarubinty Cemeteries Chaplin and Velemichi I)*

The author proposes a new technique in planigraphic and topo-chronological analysis on the Early Iron Age cemeteries. He aggregates interments into groups based on the method of shortest distances. Sex, distribution of types of goods and chronological phase of the interments are also accounted for. The analysis of combination of these factors leads to a new dynamics in development of cemeteries. The dynamics is given several levels of interpretation: 1. "Big" cemeteries of Zarubinty culture: these are kin cemeteries divided into family plots (interments aggregated into groups). There are always dominant groups among them, existing during the whole period of cemetery existence. The author supposes that they are plots of the most powerful and richest families. 2. The results of topographic analysis of the local versions of Zarubinty-Poenesti society allow to presume that Poles'e and Middle Dnieper versions of Zarubinty interments (ZI) correspond to two tribes of 5-6 thousand persons each, either of them being able to equip up to 1,000 soldiers. The author could not distinguish tribal groups from the Upper Dnieper and Poienesti-Lukashevka sites. Apparently, one can talk only about a big group of kins in this case. 3. Based on the above results, the author supposes that Klondik's and Cimbri campaigns must have involved all population of developing Lateneised cultures. Participation of representatives of different cultures made it possible existence of steady Zarubinty-Jastorf connections during middle La Tène. 4. There were kin connections between ZI bearers and their preceding (Milogrady) and succeeding cultures, which is evidenced by findings of Wielbark and Milogrady cultures on Zarubinty cemeteries. Notably, they are never superimposed by other interments and are part of dominant groups. Obviously, the bearers of Zarubinty-Poenesti society participated in political, ethnic and cultural processes in Europe. Some of them would later return home, contribute new elements in culture and form the so-called "post-Zarubinty" groups of sites. Others would join other tribes and kins, preserving, however their own "kin memory" and appearing, sometimes, on the studied territory many years later as bearers of other cultures.

Современная методика исследования планиграфии могильников раннего железного века (далее — РЖВ) окончательно сложилась к 1960-м гг. Общепринятым стало прослеживать не только распределение на территории могильников черт погребального обряда и типов инвентаря, но и расположение погребений разных хронологических фаз. Появился термин «горизонтальная стратиграфия» (Marciniak 1960; Nachmann 1961). Начиная с 1970-х гг. постепенно становилось ясно, что внутренняя организация могильников РЖВ более сложна, чем это показывают корреляционные и планиграфические таблицы: в пользу этого свидетельствовали данные этнографии, письменных источников, да и современные бытовые наблюдения. В 1980-х гг. идея обновления методики исследования могильников буквально витала в воздухе. Но все известные автору планиграфические разработки тех лет остались неопубликованными — по видимому, потому, что их не удавалось уложить в стройные логические схемы: новые идеи основывались почти исключительно на интуитивном «чутье» материала. Вместе с тем накоплен-

ные наблюдения в соединении с некоторыми математическими методами, на мой взгляд, сегодня уже позволяют предложить новую методику планиграфических и топохронологических исследований, пусть и в первом приближении.

Прежде чем перейти к изложению этой методики, необходимо сделать краткое отступление об этапах совершения зарубинецких погребений (ср. Алексеев 1984: 73-74; Бажан, Еременко 1992).

Первый этап — составление погребальных наборов вещей. Последние в погребениях зарубинецкой культуры (далее — ЗБК) не обожжены, керамика не носит следов бытового использования — следовательно, погребальные наборы составлялись специально. Поскольку кенотафы сопровождаются стандартными наборами, можно сделать вывод, что эти наборы хранились в семье (роду). Время их составления косвенно определяется тем, что детские погребения Чаплина (по определениям Т.С.Кондукторовой) большей частью совершены по женскому погребальному обряду, независимо от пола ребенка (Еременко, Журавлев 1992: 61).

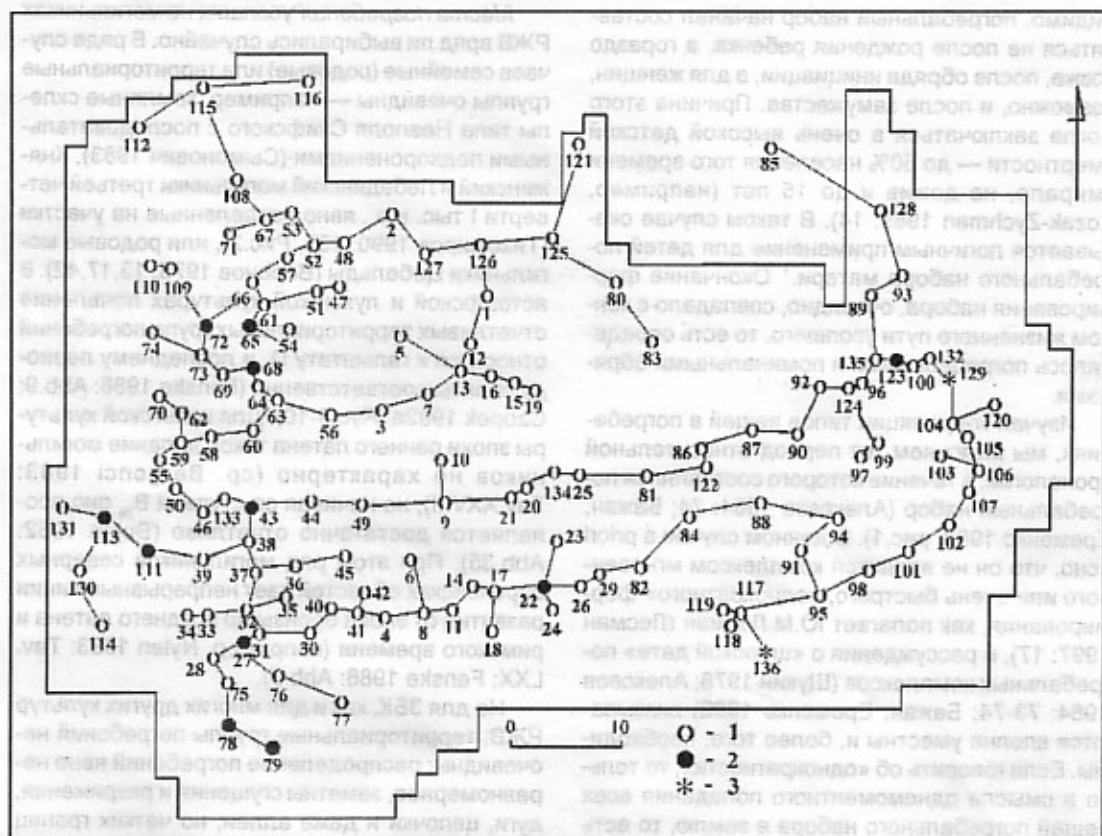

Таблица 1. Велечи I: территориальные группы погребений. 1 – зарубицкие погребения, 2 – вельбарские погребения, 3 – милоградские погребения.

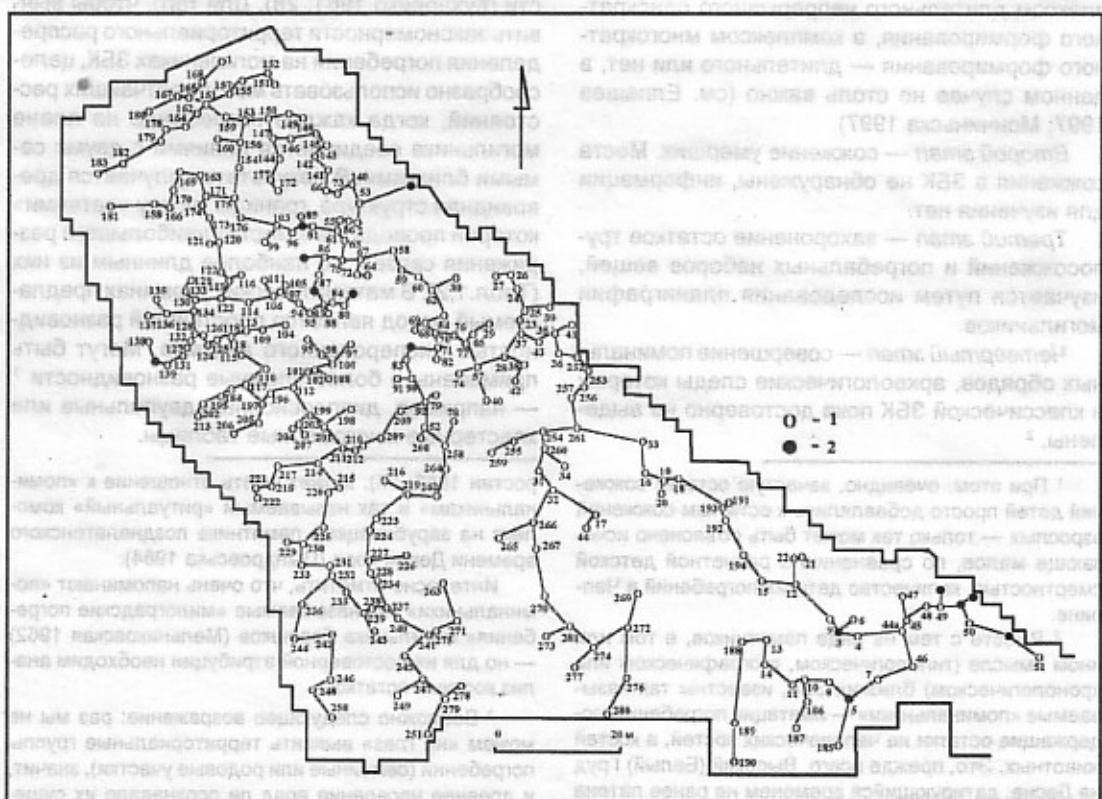

Таблица 2. Чаплин: территориальные группы погребений. 1 – зарубицкие погребения, 2 – милоградские погребения.

Видимо, погребальный набор начинал составляться не после рождения ребенка, а гораздо позже, после обряда инициации, а для женщин, возможно, и после замужества. Причина этого могла заключаться в очень высокой детской смертности — до 50% населения того времени умирало, не дожив и до 15 лет (например, Kozak-Zychman 1989: 14). В таком случае оказывается логичным применение для детей погребального набора матери.¹ Окончание формирования набора, очевидно, совпадало с концом жизненного пути усопшего, то есть определялось погребальными и поминальными обрядами.

Изучая корреляции типов вещей в погребениях, мы выясняем тот период относительной хронологии, в течение которого составлялся погребальный набор (Алексеев 1984: 74; Бажан, Еременко 1992: рис. 1). В данном случае а priori ясно, что он не является комплексом мгновенного или очень быстрого, «однократного» формирования, как полагает Ю.М.Лесман (Лесман 1997: 17), и рассуждения о «широкой дате» погребальных комплексов (Щукин 1978; Алексеев 1984: 73-74; Бажан, Еременко 1992) оказываются вполне уместны и, более того, необходимы. Если говорить об «однократности», то только в смысле одномоментного попадания всех вещей погребального набора в землю, то есть единовременного «выпадения из контекста живой культуры» (Л.С.Клейн). Но в ряде случаев погребальный набор оказывается даже и не комплексом длительного непрерывного однократного формирования, а комплексом многократного формирования — длительного или нет, в данном случае не столь важно (см. Елпашев 1997; Мончиньска 1997).

Второй этап — сожжение умерших. Места сожжения в ЗБК не обнаружены, информации для изучения нет.

Третий этап — захоронение остатков трупоожоженных и погребальных наборов вещей, изучается путем исследования планиграфии могильников.

Четвертый этап — совершение поминальных обрядов, археологические следы которых в классической ЗБК пока достоверно не выделены.²

¹ При этом, очевидно, зачастую остатки сожжений детей просто добавлялись к остаткам сожжений взрослых — только так может быть объяснено исчезающе малое, по сравнению с расчетной детской смертностью, количество детских погребений в Чаплине.

² Вместе с тем на ряде памятников, в том или ином смысле (типологическом, географическом или хронологическом) близких ЗБК, известны так называемые «поминальнички» — имитации погребений, содержащие остатки не человеческих костей, а костей животных. Это, прежде всего, Высокий (Белый) Груд на Десне, датирующийся временем не ранее латена D₂ (Шевченко 1997: 122); памятники киевского типа (Щукин 1990: 119-120) и именьковской культуры (Ста-

Места погребения усопших на могильниках РЖВ вряд ли выбирались случайно. В ряде случаев семейные (родовые) или территориальные группы очевидны — например, земляные склепы типа Неаполя Скифского с последовательными подхоронениями (Сымонович 1983), Княжинский и Лебединский могильники третьей четверти I тыс. н.э., явно разделенные на участки (Тихомиров 1990: 139, Рис.2), или родовые могильники Цебельды (Воронов 1975: 13,17,42). В ясторфской и лужицкой культурах появление отчетливых территориальных групп погребений относится к гальштату D₃ и последнему периоду бронзы соответственно (Fenske 1986: Abb.9; Czorek 1992a: Рис.9-10). Для кельтской культуры эпохи раннего латена такое деление могильников не характерно (ср. Vergonci 1983: Tav.XXVIII), но начиная со ступени V_{2n} оно проявляется достаточно отчетливо (Vujna 1982: Abb.35). При этом ряд могильников северных европейских областей дает непрерывные линии развития от эпохи бронзы до позднего латена и римского времени (например, Nylen 1983: Tav. LXX; Fenske 1986: Abb.9).

Но для ЗБК, как и для многих других культур РЖВ, территориальные группы погребений не очевидны: распределение погребений явно неравномерное, заметны сгущения и разрежения, дуги, цепочки и даже аллеи, но четких границ между группами погребений нет. При этом случаи их взаимного перекрытия единичны — они явно были в древности отмечены на поверхности (Кухаренко 1961: 28). Для того, чтобы выявить закономерности территориального распределения погребений на могильниках ЗБК, целесообразно использовать метод кратчайших расстояний, когда каждое погребение на плане могильника соединяется линиями с двумя самыми близкими. В результате получается древовидная структура, границы между «ветвями» которой проводятся в местах наибольшего разрежения связей, по наиболее длинным из них (Табл.1,2). В математических терминах предлагаемый метод является простейшей разновидностью дисперсионного анализа. Могут быть применены и более сложные разновидности³ — например, дисперсионные двупольные или кластерные многомерные таблицы.

ростин 1986: 96). Может иметь отношение к «поминальничкам» и так называемый «ритуальный» комплекс на зарубинецком памятнике позднелатенского времени Девич Гора (Цыңдровска 1984).

Интересно отметить, что очень напоминают «поминальнички» так называемые «милоградские погребения» могильника Горошков (Мельниковская 1962) — но для их достоверной атрибуции необходим анализ костных остатков.

³ Возможно следующее возражение: раз мы не можем «на глаз» выявить территориальные группы погребений (семейные или родовые участки), значит, и древнее население вряд ли осознавало их существование (ср. сомнения О.А.Гей и И.А.Бажана в правомерности применения кластерного метода для вы-

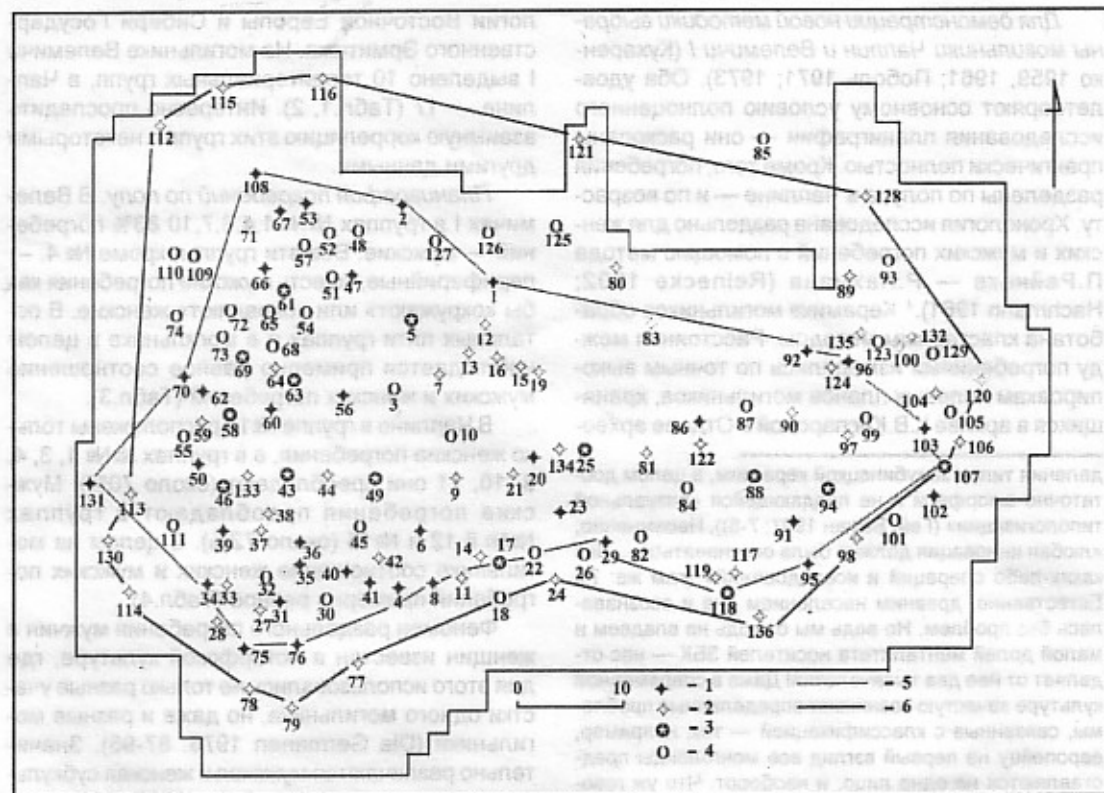

Таблица 3. Велечи I: распределение погребений по полу. 1 – женские погребения, 2 – мужские погребения, 3 – смешанные погребения, 4 – неопределенные погребения, 5 – внешняя граница женских погребений, 6 – внешняя граница мужских погребений.

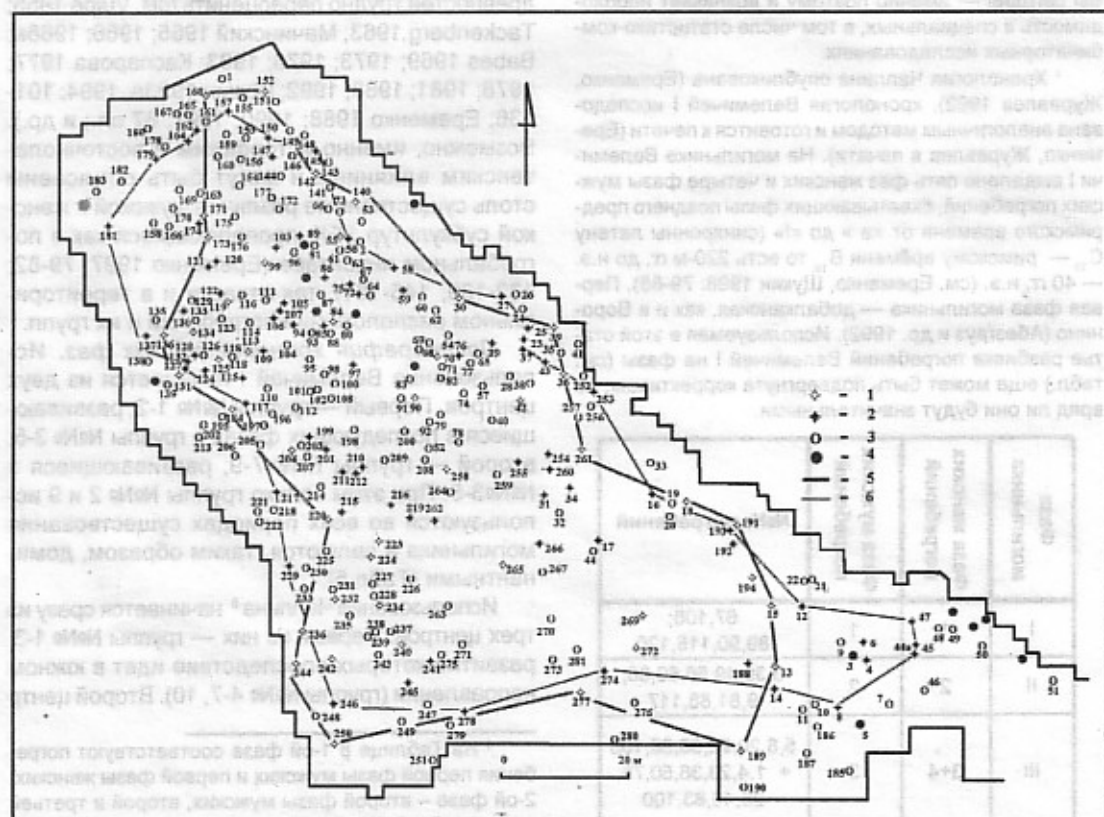

Таблица 4. Чаплин: распределение погребений по полу: 1 – мужские погребения, 2 – женские погребения, 3 – неопределенные погребения, 4 – милорадские погребения, 5 – внешняя граница мужских погребений, 6 – внешняя граница женских погребений.

Для демонстрации новой методики выбраны мазильники Чаплин и Велемичи I (Кухаренко 1959, 1961; Поболь 1971; 1973). Оба удовлетворяют основному условию полноценного исследования планиграфии — они раскопаны практически полностью. Кроме того, погребения разделены по полу, а в Чаплине — и по возрасту. Хронология исследована отдельно для женских и мужских погребений с помощью метода П.Рейнеке — Р.Хахмана (Reineske 1902; Nachmann 1961).⁴ Керамика могильников обработана кластерным методом. Расстояния между погребениями измерялись по точным выкопировкам полевых планов могильников, хранящихся в архиве К.В.Каспаровой в Отделе архео-

деления типов зарубинецкой керамики, в целом достаточно аморфной и не поддающейся «визуальной типологизации» (Гей, Бахан 1997: 7-8)). Несомненно, «любая инновация должна была осознаться... без каких-либо операций и исследований» (там же: 7). Естественно, древним населением она и осознавалась без проблем. Но ведь мы отнюдь не владем и малой долей менталитета носителей ЗБК — нас отделяет от нее два тысячелетия! Даже в современной культуре зачастую возникают определенные проблемы, связанные с классификацией — так, например, европейцу на первый взгляд все монголоиды представляются на одно лицо, и наоборот. Что уж говорить об археологических древностях рубежа эр? Очевидно, что наш культурный опыт совершенно иной, и отнюдь не все древние культурные различия значимы сегодня — именно поэтому и возникает необходимость в специальных, в том числе статистико-комбинаторных исследованиях.

⁴ Хронология Чаплина опубликована (Еременко, Журавлев 1992), хронология Велемичей I исследована аналогичным методом и готовится к печати (Еременко, Журавлев в печати). На могильнике Велемичи I выделено пять фаз женских и четыре фазы мужских погребений, охватывающих фазы позднего предримского времени от «а» до «f» (синхронны латену C_{1b} — римскому времени V_b, то есть 220-м гг. до н.э. — 40 гг. н.э. (см. Еременко, Щукин 1998: 79-85)). Первая фаза могильника — добалканская, как и в Воронино (Абезгауз и др. 1992). Используемая в этой статье разбивка погребений Велемичей I на фазы (см. табл.) еще может быть подвергнута коррективам, но вряд ли они будут значительными.

Фаза могильника	Фаза женских погребений	Фаза мужских погребений	№№ погребений
I	1	1	67,108; 89,90,115,120
II	2	2	3,39,49,56,60,86; 9,81,88,117
III	3+4	3	5,8,20,92,95,96,103 + 1,4,23,36,50,76; 25,46,83,100
IV	5	4	6,47,61,62,66,70,75, 91,102,127; 64,69,118

логии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. На могильнике Велемичи I выделено 10 территориальных групп, в Чаплине — 17 (Табл.1, 2). Интересно проследить взаимную корреляцию этих групп с некоторыми другими данными.

Планиграфия погребений по полу. В Велемичах I в группах №№ 1,4,6,7,10 83% погребений — мужские. Все эти группы, кроме № 4, — периферийные, то есть мужские погребения как бы «оказывают» или «охраняют» женские. В остальных пяти группах и в могильнике в целом наблюдается примерно равное соотношение мужских и женских погребений (Табл.3).

В Чаплине в группе №17 расположены только женские погребения, а в группах №№ 1, 3, 4, 8, 10, 11 они преобладают (около 70%). Мужские погребения преобладают в группах №№ 6,12 и №15 (около 72%). В целом на могильнике соотношение женских и мужских погребений примерно равно (Табл.4).

Феномен раздельного погребения мужчин и женщин известен в ясторфской культуре, где для этого использовались не только разные участки одного могильника, но даже и разные могильники (Die Germanen 1976: 87-95). Значительно различаются мужская и женская субкультуры восточного латена (Vujna 1982; Еременко, в печати). Роль обеих групп памятников в сложении поянешти-лукашевских и зарубинецких древностей трудно переоценить (см. Vulpe 1955; Tackenberg 1963; Мачинский 1965; 1966; 1966а; Babes 1969; 1973; 1978; 1993; Каспарова 1977; 1978; 1981; 1988; 1992; Щукин 1993а; 1994: 101-136; Еременко 1988; 1990; 1997: 87 сл.; и др.). Возможно, именно ясторфским и восточнолатенским влиянием и могут быть объяснены столь существенные различия мужской и женской субкультур ЗБК, проявляющиеся как в погребальном инвентаре (Еременко 1997: 79-82; 132-139; 145-161), так отчасти и в территориальном расположении погребений и их групп.

Планиграфия хронологических фаз. Использование Велемичей I начинается из двух центров. Первый — группы №№ 1-2, развивающиеся в последующих фазах в группы №№ 3-5; второй — группы №№ 7-9, развивающиеся в №№ 3-5. При этом только группы №№ 2 и 9 используются во всех периодах существования могильника и являются, таким образом, доминантными (Табл.5).

Использование Чаплина⁵ начинается сразу из трех центров. Первый из них — группы №№ 1-3, развитие которых впоследствии идет в южном направлении (группы №№ 4-7, 10). Второй центр

⁵ На Таблице 8 1-ой фазе соответствуют погребения первой фазы мужских и первой фазы женских, 2-ой фазе — второй фазы мужских, второй и третьей женских, 3-ей фазе — третьей фазы мужских и четвертой фазы женских, 4-ой фазе — четвертой фазы мужских и пятой женских соответственно (см. Еременко, Журавлев 1992: Рис.4-5)

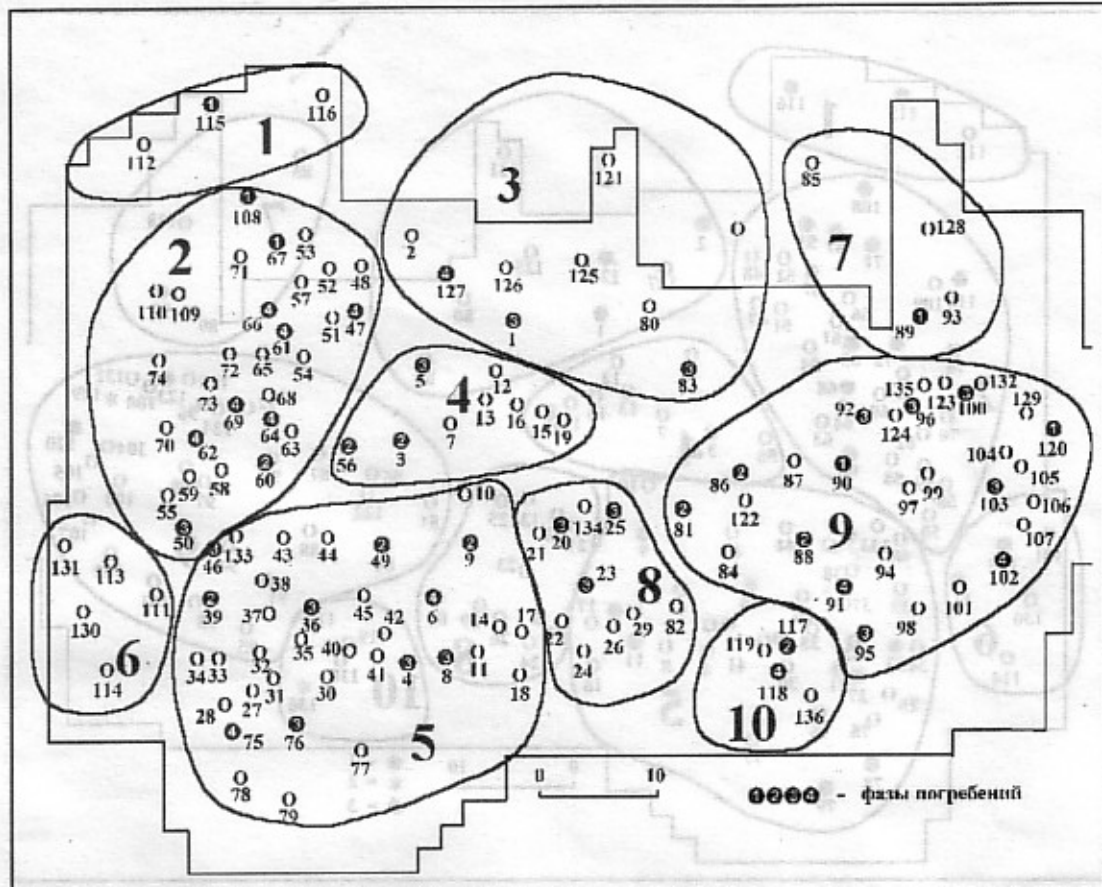

Таблица 5. Велечи I: распределение погребений по фазам.

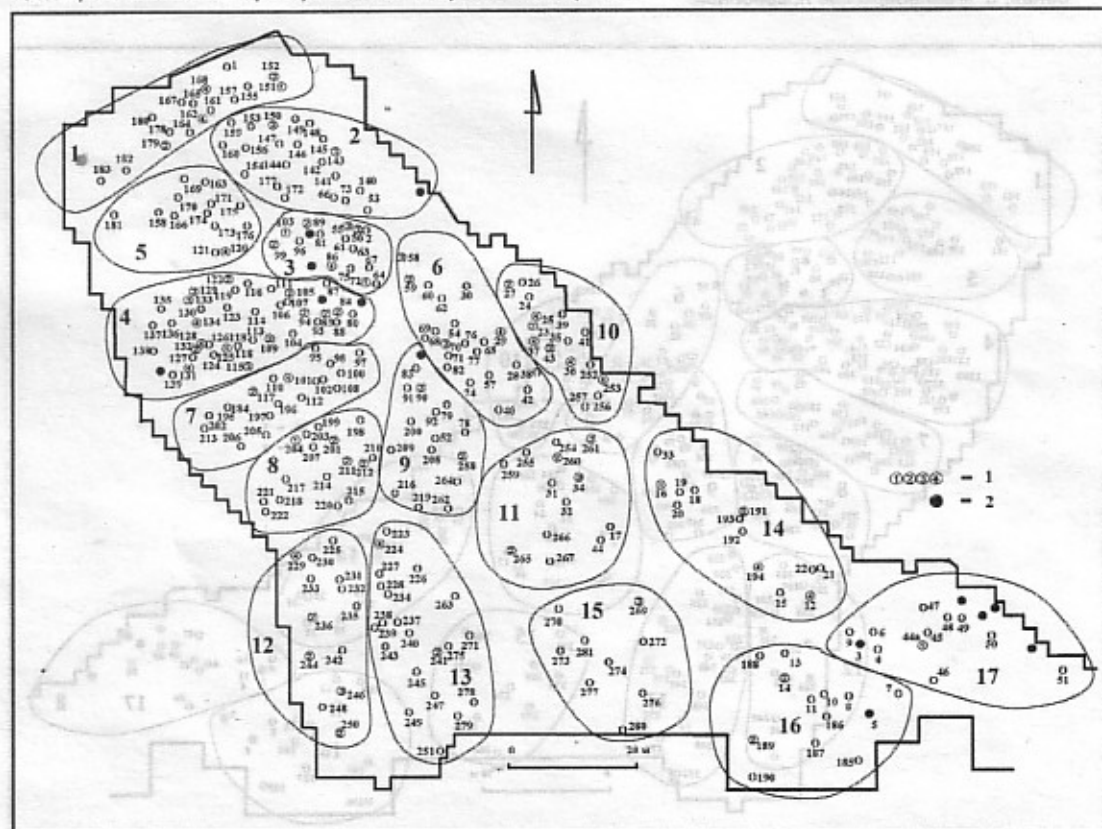

Таблица 6. Чаплин: распределение погребений по фазам. 1 – фазы погребений, 2 – милоградские погребения.

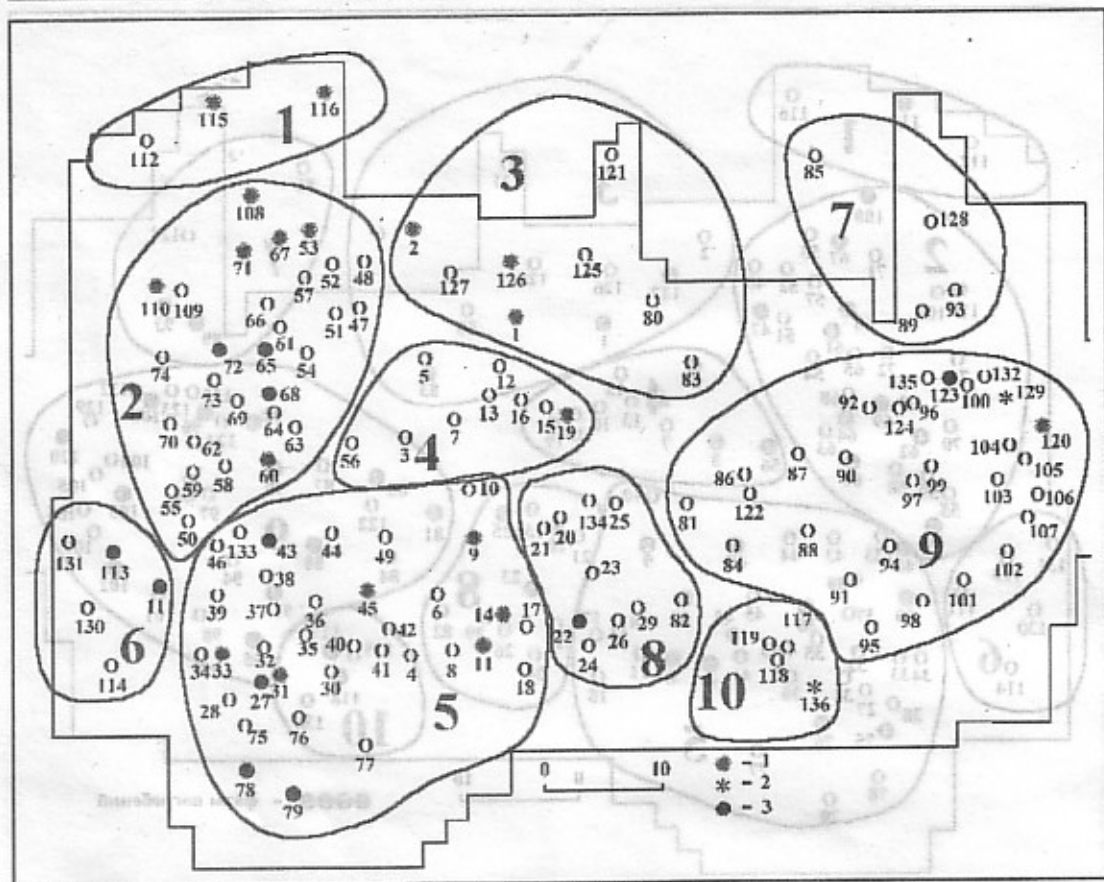

Таблица 7. Велечи: территориальное распределение импортов. 1 – импорты, 2 – милоградские погребения, 3 – вельбаркские погребения.

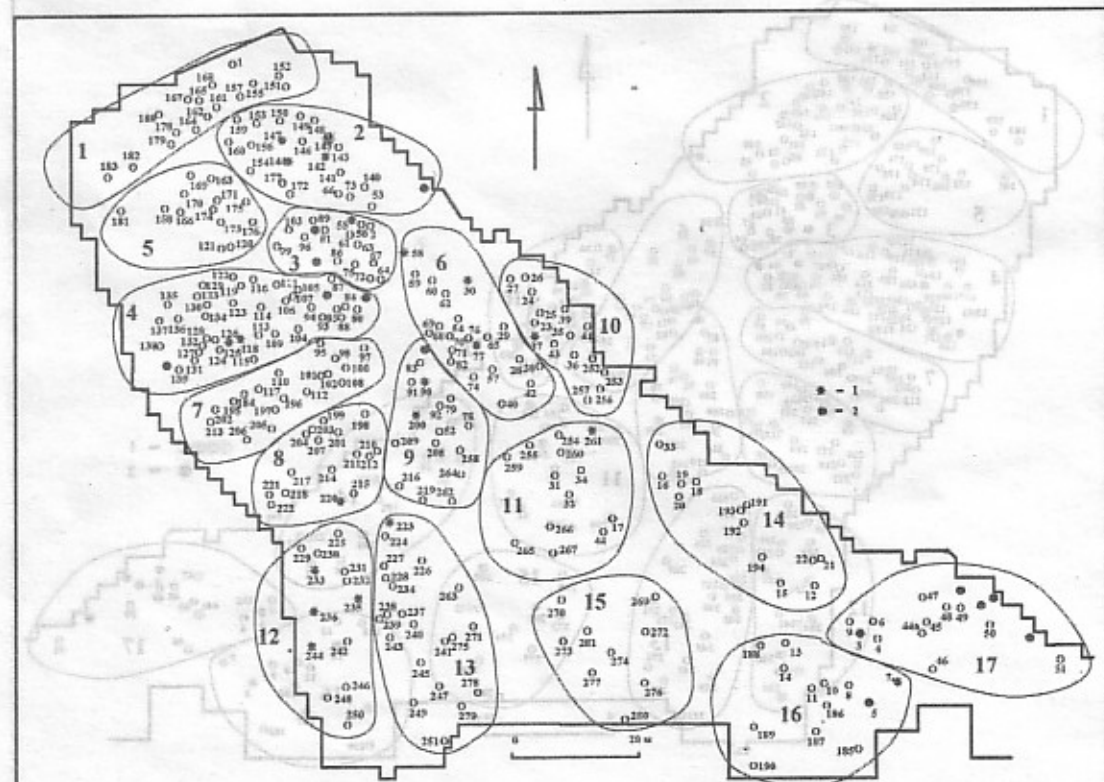

Таблица 8. Чаплин: территориальное распределение импортов. 1 – импорты, 2 – милоградские погребения.

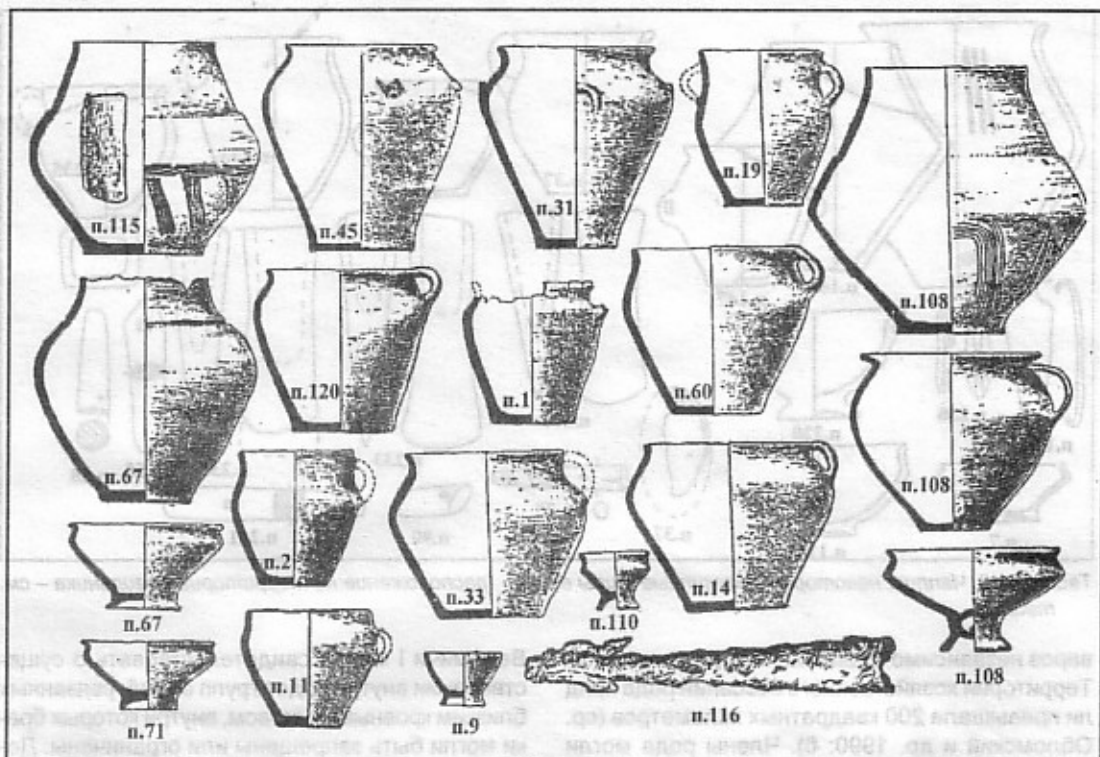

Таблица 9. Велемичи I: некоторые типы импортных вещей (расположение на территории могильника — см.табл.7).

— группа № 8, развивающаяся в группы №№ 9, 12-13. Третий — группы №№ 14 и 17, развивающиеся в №№ 11, 15-16. Доминантными, то есть используемыми во всех периодах существования могильника, являются группы №№ 1-3 и 14. Могильник является трехполюсным (Табл.6) (ср. Обломский и др.1990: 123; Обломский 1997).

Планиграфия типов вещей. Большинство типов вещей распределяется по территориальным группам погребений равномерно. Но и в Чаплине, и в Велемичах I группы погребений, связанные с восточными доминантными, гораздо малочисленнее и беднее по инвентарю, чем связанные с западными (ср. Каспарова, в печати). Более того, в обоих могильниках выделяется ряд общих типов вещей, характерных почти исключительно для западных доминантных групп (Табл.7-10). Это ясторфские «постгальштатские» горшки с круговым уступом, горшки с напелами-подковками, высокие горшки с ручками-ушками; миски на высоких кольцевых поддонах, изготовленные по кельтским образцам. В Велемичах I к этому списку можно добавить фрагменты кельтской керамики и ясторфскую фибулу с шариками, в Чаплине — ясторфские топоры-кельты, поясные крючки, позднескифские точила, игольницы и нагубник (Табл.9, 10).

Таковы в общих чертах результаты наложения половозрастных различий, хронологических фаз и отдельных типов инвентаря инокультурного происхождения на территориальные группы погребений. Выявлена совершенно новая,

неизвестная прежде внутренняя динамика развития могильников РЖВ — раньше, как правило, удавалось проследить лишь общее направление развития использования их территории — от центра к краям (ср. Обломский 1990; 1997) или от одного края к другому (ср. Nachmann 1961). Вновь выявленная динамика развития могильников требует, соответственно, и новой интерпретации. Последняя может быть предложена на нескольких уровнях.

Первый уровень интерпретации: отдельный могильник. Планиграфические исследования Чаплина и Велемичей I позволяют сделать вывод, что «большие» могильники ЗБК — это родовые кладбища, разделенные на семейные участки. Что же представлял из себя род в конце I тыс. до н.э.? Здесь интересны исследования немецких ученых конца прошлого века. Не имея в своем распоряжении представительных археологических источников, они оперировали данными источников письменных, создавая историко-экономические и историко-демографические расчеты, являющиеся по отношению к современному археологическим данным независимыми. Исследователи пришли к следующим выводам.

Плотность населения Германии на рубеже эр составляла 4-5 человек на квадратный километр. Один род (деревня, «сотня» семей) состоял из 100-200 семей, включал от 400 до 1000 человек и выставял от 100 до 200 воинов с собственным военным предводителем; такой отряд являлся основной боевой единицей вар-

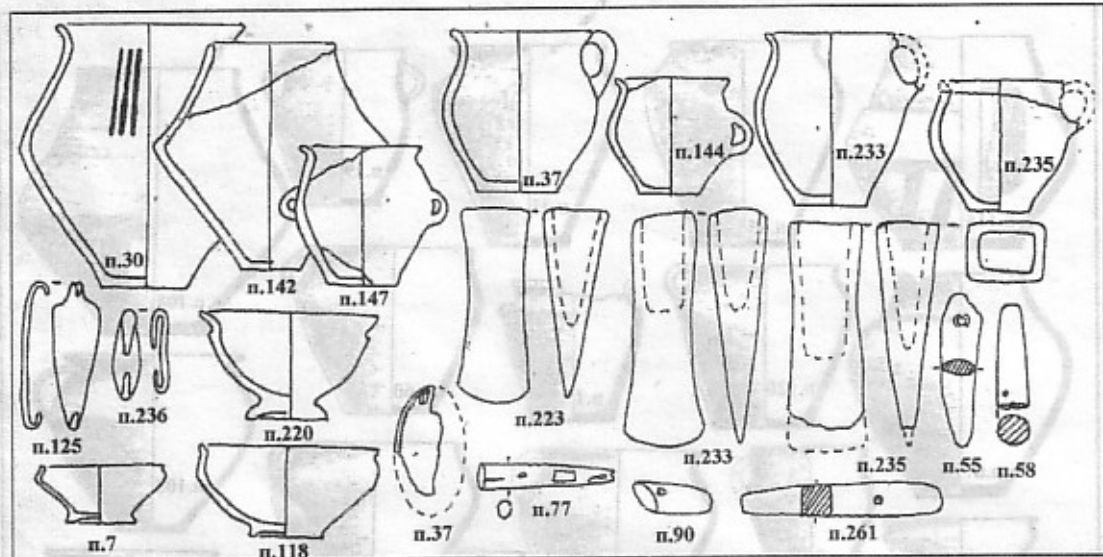

Таблица 10. Чаплин: некоторые импортные типы вещей (расположение на территории могильника — см. табл.8)

варов независимо от общей численности войск. Территория хозяйственного освоения рода вряд ли превышала 200 квадратных километров (ср. Обломский и др. 1990: 6). Члены рода могли селиться как одной деревней, так и системой хуторов. При этом род обладал очень высокой подвижностью: территория обитания менялась часто вследствие истощения почв или других причин (Дельбрюк 1994: 17).

Эти расчеты в сопоставлении с данными современной археологии оказываются усредненными. Так, если на о. Готланд в позднем латене используются 23 могильника (Могильников 1979: 143), то есть один могильник приходится на 130 квадратных километров, то в ЗБК на Полесье и в Среднем Поднепровье один могильник приходится примерно на 300 квадратных километров. Численность родов, оставивших позднелатенские могильники на Готланде и могильники зарубинецкой культуры, судя по количеству погребений, вряд ли превышала нижнюю расчетную границу — 400 человек.⁶ Носители ЗБК селились и деревнями (скорее всего, часто менявшими местоположение), и хуторами — об этом свидетельствует то, что количество известных селищ в несколько раз превышает количество могильников. Такое же соотношение наблюдается и в постзарубинецкое время (Обломский 1991: 137-139).

Многополюсность могильников Чаплин и

⁶ Предлагаемые рядом исследователей гораздо более низкие цифры, основанные на численности известных погребений и площади обследованных поселений (например, Гусаков 1985; Обломский и др. 1990: 13) представляются неоправданно заниженными: вряд ли группа из десяти-полтора семей могла отстроиться и тем более защищать такое городище, как Чаплин. Следует учитывать, что нам все же известны не все погребения, могильники, жилища и поселения древних жителей Поднепровья и Поднестровья.

Велемичи I может свидетельствовать о существовании внутри родов групп семей, связанных близким кровным родством, внутри которых браки могли быть запрещены или ограничены. Доминантные группы погребений могут являться, в таком случае, участками наиболее влиятельных и зажиточных семей. То, что среди доминантных групп всегда выделяется одна наиболее зажиточная, свидетельствует о том, что именно из ее членов мог выбираться военный вождь — единственная реальная власть того времени (Дельбрюк 1994: 12-17). Естественная эволюция погребального обряда доминантных групп привела, по-видимому, в римское время, к середине I в.н.э., к выделению так называемых «княжеских» погребений в отдельные могильники (Kietlinska 1960; 1963; Никитина 1974: 7; Czarnańska 1990).

Второй уровень интерпретации: топография локальных вариантов зарубинецко-поляншской общности. Продолжим сопоставление археологических материалов и расчетных данных. По Г.Дельбрюку, племя германцев в начале эры включало 20-25 родов и насчитывало в среднем около 25 тысяч человек, будучи способно выставлять до 5 тысяч воинов. Территория хозяйственного освоения племени составляла около 5,5 тысячи квадратных километров. Племенные территории были отделены друг от друга «зонами безопасности» (Дельбрюк 1994: 10-19). Полесский вариант зарубинецкой культуры занимает около 5 тысяч квадратных километров, среднеднепровский — несколько больше, что вполне согласуется с расчетными данными для одного племени. При этом количество родов в каждом племени зарубинецко-поляншской общности не превышало полтора десятка, судя по количеству известных могильников, а численность рода, исходя из количества погребений в могильниках, вряд ли со-

ставляла более 400 человек. Следовательно, каждое племя насчитывало примерно 5-6 тысяч человек и могло выставить одновременно не более 1 тысячи воинов.

Иную топографическую картину дают верхнеднепровские и поянешти-лукашевские памятники. Выделить среди последних племенные группы, известные по данным письменных источников (Strabo VII,3,17; Livi XL 57,2; Vulpe 1955), пока не удается: могильники сильно удалены друг от друга и существенно различаются по обряду и инвентарю (Babeş 1993: Abb.7). Речь может идти лишь о большой группе родов, по численности населения сопоставимой с численностью племен полесского или среднеднепровского варианта. На Верхнем Днепре известны лишь два могильника. Говорить о племени не приходится — это явно отдельные роды.

Что касается взаимодействия друг с другом локальных вариантов зарубинеcko-поянештской общности, то есть составляющих ее племен и родов, ясно, что общность происхождения еще не гарантирует однородности в культурном плане и одинаковой интенсивности контактов. Так, например, женские погребения Полесья, Среднего Поднепровья и Чаплина практически неотличимы друг от друга, то есть женская субкультура выказывает единство. Кухонная керамика (тоже явно женская «зона ответственности») зарубинецких и поянешти-лукашевских памятников, если не учитывать «гетские» формы последних, на удивление схожа. Вместе с тем в мужской субкультуре локальных групп зарубинецких и поянешти-лукашевских памятников прослеживаются существенные отличия. Общность женской субкультуры при локальных различиях мужской позволяет предположить, что в те времена жены при замужестве входили в рода мужей.

Скорее всего, Чаплин заложен позже ранних могильников Полесья и Среднего Поднепровья — около середины II в. до н.э. (Еременко, Журавлев 1992). Почти одновременно с ним закладываются новые могильники в Поднепровье (Долиняны (Смирнова 1981; Smirnova, Megei 1995)), на Полесье (Семурадцы (Поболь 1969)) и в Среднем Поднепровье (Вишеньки, Девич Гора (Петров 1959; Циндровська 1984; Пачкова 1985)), а также появляются зарубинецкие памятники в Подесенье (Шекун, Терпиловский 1993: 15, 18; Шевченко 1997). Но вместе с тем Чаплин явно оставлен населением, занимавшим в зарубинеcko-поянештской общности обособленное положение. Находки специфических верхнеднепровских типов на Полесье и в Среднем Поднепровье единичны: это подковообразные фибулы в Воронино и Погосте, наконечники копий в Велемичах I и Корчеватом (Кухаренко 1961: Табл.39, 26; 41, 22; Самойловский 1959 Рис.3; Поболь 1969: Рис.7,7), да еще, пожалуй, разрушенный могильник в Левановщине, неподалеку от Давид-Городка, где найдены близкий чаплинским наконечник копья и горшки с ручками-ушками (Залашко, Еременко 1984). Нет на

Полесье и в Среднем Поднепровье и такого количества позднекифских реминисценций, как в Чаплине: связи последнего с Нижним Поднепровьем явно не затронули эти территории и их население (Еременко, Журавлев 1992; Еременко, Щукин 1992; ср. Обломский 1983). Такое же обособленное положение среди памятников типа Поянешти-Лукашевка занимает могильник Долиняны (Пачкова 1984; Еременко 1997: 119).

Наблюдается интересное явление: роды, вошедшие в зарубинеcko-поянештскую общность около середины II в. до н.э., то есть примерно через 80 лет после ее образования, и связанные с передвижениями населения перед и во время походов кимаров и тевтонов (см. Еременко, Щукин 1992), большей частью не включаются в племена и занимают обособленное положение, хотя женская зарубинеcko-поянештская субкультура и остается единой. Такое сочетание племенной и родовой организации известно и по данным письменных источников, правда, для несколько более позднего времени: Дион Кассий сообщает, что германцы заключили мир с Марком Аврелием частично в качестве племен, частично в качестве родов (Cass.71,II). Возможно, процесс разложения большого племени на более мобильные роды, точнее, начало этого процесса, и фиксируют зарубинеcko-поянештские памятники середины II в. до н.э. — Чаплин и Долиняны.

Третий уровень интерпретации: общность латенизированных культур. Итак, в конце III — середине II вв. до н.э. зарубинеcko-поянештская общность, по археологическим данным, состояла из двух-трех племен и нескольких отдельных родов, и вряд ли могла выставить более 3-5 тысяч воинов. Если учесть, что население Поднепровья, скорее всего, не участвовало в походах бастарнов (Еременко 1997: 119), эта цифра сократится до 2-3 тысяч. Но только в походах Клондика участвовало 30 тысяч, то есть воины 6-10 племен, а в походах кимаров — 100 тысяч, то есть воины 20-30 племен. Если цифры письменных источников верны, то оказывается, что в походах бастарнов и кимаров должно было участвовать практически все население складывавшихся латенизированных культур, а сам процесс латенизации, скорее всего, и происходил во время походов и переселений (Еременко, Щукин 1992; Flemming, Martens 1995; Еременко 1997: 189-198).⁷ Именно совместное участие в походах носителей разных латенизированных культур, часть которых вернулась по их окончании в исконные места обита-

Табл.7 Конечно, пока известны памятники далеко не всех возможных участников походов — например, мы ничего не знаем о певкинах, живших на острове в устье Дуная. Значительная часть участников походов бастарнов и кимаров погибла. Но совершенно очевидно, что даже пятикратное увеличение количества известных зарубинецких и поянештских погребений не даст нам количество воинов, сопоставимое с приводимым в письменных источниках.

ния,⁸ и обусловило возможность устойчивых зарубинецко-ясторфских связей на протяжении всего среднего латена. Показательно, что эти связи осуществляются в основном на уровне доминантных групп семей, из которых, очевидно, выбирался военный вождь: эти семьи явно имели наибольшие возможности инкорпорирования новых членов, в частности, воинов.

Иногда удается проследить конкретные цепочки связей доминантных семей. Например, погребение №108 Велемичей I показывает характерное для подкольцевой группы сочетание миски на кольцевом поддоне, изготовленной по кельтскому образцу, ясторфского (постгалльштатского) горшка с круговым уступом, ясторфского же горшка с ручкой-ушком и фибулой с шариками (Табл.9) (ср. Venclová: 1973). Кувшины с иксовидными ручками, характерные для второй фазы могильника Поянешти и первой — Лукашевки, известны в погребениях Верхней Эльбы и Ютландии (Peschel 1977: Taf.2; Martens 1996: Abb.11; Еременко 1997: 107). Ранние погребения Чаплина демонстрируют соединение форм керамики, характерной для ясторфской культуры Ютландии и оксывских типов наконечников копий (Еременко, Журавлев 1992: Рис. 9). Погребения могильника Долиняны близки погребениям надодерской группы ясторфской культуры (Пачкова 1984; Еременко 1997: 116), и так далее.

Эти наблюдения связей доминантных семей позволяют заключить, что общепринятая схема контактов археологических культур РЖВ, по крайней мере в применении к зарубинецко-поянештской общности, может быть кардинально пересмотрена. Считается, что контакты осуществлялись в процессе меновой торговли (например, Обломский 1991: 136). Но чем могли меняться зарубинцы с ясторфцами? Ведь натуральное хозяйство отвергает возможность нерентабельной торговли. Принимая во внимание огромные расстояния и отсутствие дорог, предметом рентабельного обмена могли служить только очень большие ценности, окупающие затраты снаряжения обменной миссии и ее охрану. Что же могло быть такой ценностью в эпоху господства натурального хозяйства? Только сокровища (которые пока не обнаружены в зарубинецких и поянештских комплексах) и люди — умелые воины, знахари, мастеровые, девушки на выданье из знатных родов.

Члены родов и племен могли переходить в другие рода и племена путем вступления в брак или усыновления (ср. более поздний обычай «сыношей по оружию»). Мог иметь место и «немирный» обмен людьми — например, захват пленных (Обломский 1991: 140). Можно предположить и третий вариант: обмен между военными вождями родов и племен при подготовке

совместных походов почетными заложниками — наподобие того, как существование дипломатических соглашений в эллинистических государствах обуславливалось вербовкой наемников, и наоборот (Griffith 1935: 321-322).

Очевидно, именно динамика взаимодействия доминантных семей кельто-ясторфского происхождения определила «культурное лицо» складывающихся латенизированных культур (Еременко 1988; 1990; 1997: 189-198). Поскольку в Поднестровье и Поднепровье эти культуры пришлые, нельзя не обратить внимание еще на один нюанс.

Переселение значительных групп населения, связанное с походами бастарнов (не менее 6 племен, в любом случае более 150 родов), вряд ли могло быть осуществлено без предварительной разведки. Поскольку бастарны впервые упоминаются под 229 г. до н.э. (латен C₁₂), «разведчиками» могли быть оставлены латенские импорты к востоку от Карпат предшествующего времени, то есть латена C₁₂. Но в латенизированных культурах переход к стадии, синхронной C₁₅, осуществляется сразу от V₂₀, минуя промежуточные фазы (Еременко 1997: 90). Следовательно, следами «разведчиков» могут быть импорты именно ступени V₂₀, достаточно многочисленные — в том числе и кельтское погребение у с.Залесье (ср. Щукин 1994: 115; Еременко 1997: 37-54), а также находки ранних типов ясторфских шейных гривен-корон (Kronenhalsringen) в междуречье Днестра и Серета (см. Babeş 1993: 107-108, Abb.3; Flemming, Martens 1995: 136-137, Fig.21). Могут быть связаны с «разведчиками» и сообщения об угрозе Ольвии со стороны галатов и скиров, если принять удревнение датировки декрета Протогена, предложенное М.Б.Щукиным (Щукин 1993; Shchukin 1995: 214-217). Если это так, то разведка проводилась крупным военным отрядом — что вполне естественно, и, видимо, оказалась успешной: вскоре пришельцы-бастарны появились в Поднестровье, Полесье и на Среднем Днестре.

Верхнеднепровские памятники позднее полесских и среднеднепровских и могут быть связаны, как и могильник Долиняны в Поднестровье, с переселениями племен, синхронными походам кимвров и тевтонов (Еременко, Щукин 1992; Еременко 1997: 119). Кимвры тоже вряд ли обошлись без разведки: ее следами могут быть находки поздних шейных гривен-корон (Kronenhalsringen) в Подесенье (Shchukin, Val'kova, Shevchenko 1993), датировка которых охватывает и латен C₂, а также упоминание Посидонием кимвров-«кельтоскифов» на берегах Меотиды. Кимвры и тевтоны впоследствии выбрали западное направление передвижений (Еременко, Щукин 1992; Flemming, Martens 1995), а часть их разведчиков, вероятно, осела в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поднестровье, где также найдены поздние гривны-коронки (Babeş 1993: Abb.3, S.107-108; ср. Еременко

⁸ Об этом могут свидетельствовать, например, находки нескольких фибул с треугольным щитком на Нижней Эльбе (Tackenberg 1963a; Flemming, Martens 1995).

1997: 102-103). *См. также: Савицкий В. В. Днепро-Днестровский культурный комплекс*

Четвертый уровень интерпретации: топохронология культур РЖВ Восточной Европы. При исследовании планиграфии могильников не исключались милоградские погребения (Кухаренко 1961; Поболь 1971: 60, 61, 75, прим.). Они в большинстве случаев расположены на участках доминантных групп или рядом с ними (Табл. 1, 2) и ни разу не нарушены зарубинецкими погребениями. Известны милоградские погребения и на других зарубинецких могильниках, в том числе и на Среднем Днепре (например, в Корчеватом (Самойловский 1959: табл. III, 56, IV, 80)). При этом, если разрыв между зарубинецкой и милоградской культурами в Верхнем Поднепровье не превышает 150 лет (Еременко 1997: 58-60), а может быть и меньше, то на Западном Полесье и в Среднем Поднепровье нет даже достоверных милоградских комплексов IV в. до н.э. (Еременко 1989), и разрыв достигает 200 лет.

Но если допустить, что попадание милоградских погребений в доминантные группы могильников ЗБК не случайно, то вновь встает вопрос о поздней дате милоградской культуры, в частности — подгорцевского, среднебелорусского и верхнеднепровского вариантов, а также о том, когда и кем оставлен так называемый милоградский могильник Горошков (Мельниковская 1962; Еременко 1989; 1997: 56-62).

В конце III в. до н.э. складывающаяся зарубинецко-поянештская общность становится новым центром притяжения для лесной зоны, заменившим Скифию. Вплоть до середины II в. до н.э. носители этой общности поддерживали тесные связи с еще более развитыми областями кельтско-латенизированного мира. На ряде могильников последнего также известны отдельные погребения предшествующих культур — например, ясторфские на могильнике Любошице губинской группы (Domański 1975), постгаллштатско-билленсдорфские в кобыльской группе (Venclová 1973), поморские в оксывской и пшеворской культурах (Dąbrowska 1988; 1988a; 1994; Wołagiewicz 1979). Как правило, между датами этих погребений и погребений латенизированных культур выявляются хронологические лакуны. Интересно было бы посмотреть, а не в доминантных ли группах латенизированных могильников оказываются погребения культур предшествующего времени? И не являются ли, соответственно, оксывская и пшеворская культуры новыми «центрами притяжения» остаточного местного субстратного населения, заменившими поморскую культуру? Если так, то, возможно, в конце III — начале II вв. до н.э. складывающиеся латенизированные культуры включили в себя это остаточное население.

В середине II в. до н.э., после закладки Чаплина, Долинян и ряда других могильников, связи зарубинецко-поянештской общности с другими латенизированными культурами прерываются, то есть с точки зрения родо-племенных

отношений прекращается прием в роды новых членов — об этом свидетельствует отсутствие большого ряда типов вещей латена D₁, то есть 120-60-х гг. до н.э. (Каспарова 1981a). Является ли причиной этого «закрытость» воензированной пшеворской культуры (Godłowski 1976)? Возможно, хотя для поянешти-лукашевской группы, граничащей непосредственно с кельтскими территориями, и не обязательно. Причины вполне могли быть и внутренними, и тогда «закрытой» оказывается сама зарубинецко-поянештская общность.

Как бы то ни было, контакты зарубинецко-поянештской общности с родственными культурами восстанавливаются только в середине I в. до н.э., но уже не с периферийными группами ясторфской культуры и не с пшеворской и оксывской культурами, а с территориями бойев и маркоманов в верховьях Дуная и Рейна (Каспарова 1986: 7-9; Щукин 1986; 1994: 195). Эта направленность связей характерна и для памятников типа Лютеж-Рахны, ранняя дата которых охватывает первую половину I в. до н.э. (Щукин 1986). М.Б.Щукин считает эти связи возможным отражением поисков римскими торговцами нового янтарного пути в обход территории пшеворской культуры (Щукин 1981; 1994: 190-197). Гипотеза, несомненно, красивая. Но, во-первых, на территории зарубинецко-поянештской общности почти нет находок янтаря, а во-вторых, количество римских импортов и монет исчезающе мало (Еременко, Щукин 1998: 81-85). Вряд ли можно говорить о торговле, пусть даже и транзитной. Можно предложить более очевидную гипотезу: отряды воинов зарубинецко-поянештской общности могли участвовать в военных действиях на территориях бойев и маркоманов в 60-15 гг. до н.э. (латен D₁ — римское время A₁), равно как и отряды выходцев с верховьев Рейна и Дуная могли участвовать в каких-то событиях в Северном Причерноморье (см. Еременко 1997: 172-186). В результате новые типы вещей могли появиться в зарубинецко-поянештской общности — аналогично тому, как участие бастарнов в войнах на Балканах послужило причиной появления в Поднепровье фибул с треугольным щитком (Каспарова 1977, 1978, 1981).

В процессе походов группы воинов могли образовываться новые семьи и рода, которые, возвращаясь, оседали частью уже на новых территориях — мы можем предполагать археологические следы этого процесса в образовании памятников типа Лютеж-Рахны и звенигородской группы, а также типа Колоколино (ср. Обломский 1992: 34; Щукин 1986; 1994: 232-239). Воины, ушедшие в земли бойев и маркоманов после 15 г. до н.э., видимо, уже не вернулись, частью погибнув при завоевании римлянами этих земель (Щукин 1994: 186-187), частью включившись в другие рода и племена уже римского времени.

В пользу таких предположений могут быть

приведены некоторые косвенные свидетельства. Так, при изучении планиграфии Велемичей выяснилось, что вельбаркские погребения (см. Каспарова 1989) в большинстве случаев совершены на участках доминантных семей или рядом с ними, ни разу не нарушив зарубинецкие погребения (Табл. 1). К.В.Каспарова объясняет это тем, что последние были в древности отмечены на поверхности, а переселение вельбаркцев носило мирный характер, что располагало к осторожному отношению к чужим кладбищам (Каспарова 1992: 279). Но и милоградские погребения не нарушены зарубинецкими, а ведь приход носителей зарубинецкой культуры (бастарнов) в Поднепровье вряд ли был таким уж мирным. Милоградские, зарубинецкие и вельбаркские погребения оказываются в равной степени включены в семейные участки зарубинецких могильников, причем в основном в доминантные группы. Вряд ли это случайно. Следовательно, либо мы недооцениваем длительность сохранения «родовой памяти» (вельбаркцы знали, на каком участке могильника поместить свои погребения почти через 150 лет после прекращения зарубинецких погребений), либо имеющаяся в нашем распоряжении хронология (Šćukin, Eremenko 1991; Еременко, Щукин 1998), не совсем точна.

К.В.Каспарова отнесла вельбаркские погребения на Полесье к римскому времени S_{16} — S_{21} , не исключая и возможность их совершения в B_2 — S_{1a} . Разрыв между поздними зарубинецкими и ранними вельбаркскими комплексами составляет 100 — 150 лет (Каспарова 1976а, 1984, 1986, 1989). Но к западу от полесской группы ЗБК обнаружен ряд позднезарубинецких погребений римского времени А- B_{2a} (не исключена и ступень B_2/C_1), ликвидирующих эту лауну; Гриневичи Вельке, Гусыне Колония, Дронжков, Черничин и др. (см. Каспарова 1992: 300). Получается, что носители полесского варианта зарубинецкой культуры двигались навстречу вельбаркцам, и вряд ли избежали контактов с ними. Есть ряд свидетельств в пользу того, что появление вельбаркцев на Полесье может относиться к более раннему времени, чем датировка собственно вельбаркских комплексов Велемичей и Отвержичей. Это погребение в Пересыпках и ранние вещи в Брест Тришине ступеней B_{2a} и S_{1a} (Кухаренко 1970; Szczukin 1981а; Бажан, Гей 1989: 186; Гей, Бажан 1997: 39). Не следы ли это «разведки» вельбаркцев перед колонизацией новых территорий? Тогда вельбаркские вещи на Полесье могли быть оставлены членами тех же родов, к которым принадлежали классические зарубинцы, вернувшихся на землю предков в новом культурном облике. А иначе откуда бы им иметь сведения о семейных участках могильников ЗБК?

Судьбы зарубинецкого наследия. В течение всего периода существования классических памятников ЗБК и типа Поянешти-Лукашевка про-

исходил не только приток, но и отток населения — носители зарубинецко-поянештской общности участвовали в походах бастарнов и кимвров, военных действиях Митридата Евпатора, а возможно, и в более поздних кампаниях на территории бойев и маркоманов, а также в Северном Причерноморье (см. Щукин 1994: 144-147; Еременко 1997: 172-186).⁹ Следовательно, упадок классической зарубинецко-поянештской общности мог быть обусловлен, кроме других причин (истощение почв, изменение климата — см. Обломский и др. 1990; давление гетов и сармат — см. Babeş 1970, 1983; Щукин 1972), постоянным и порой значительным оттоком населения. Лишь часть воинов впоследствии возвращалась на территории зарубинецко-поянештской общности, а многие включались в другие племена и роды, сохраняя «родовую память», появляясь порой на этой территории через многие годы и в качестве носителей других культур.

Такой массовый возврат населения мог иметь место в начале новой эры, когда появляются группы так называемых «постзарубинецких» памятников. Их носители уже познакомились с провинциально-римской культурой, по видимому, на территории бойев и маркоманов (памятники зубрецкого типа, тип Колоколино, Гриневичи Вельке — Черничин, Лютеж-Рахны, звенигородская группа — см. Козак 1983; Щукин 1986; Каспарова 1992; Обломский 1993: 48-49). Этот романизированный горизонт памятников смещен к северо-востоку от прежней территории памятников типа Поянешти-Лукашевка и к западу, востоку и югу — от территории зарубинецкой культуры. По сравнению с позднезарубинецкими латенизированными комплексами он представляет собой совершенно новую модель культуры (Godłowski 1976; Обломский и др. 1990).¹⁰ Носители классических позднезарубинецких традиций (памятники типа Чечерск-Кистени, Титова речка, Белый Груд — см. Обломский 1983а; Шекун, Терпиловский 1993; Шевченко 1997) смещаются к северу и востоку, в лесную зону, где складываются памятники типа Почеп-Синьково и, позднее, Абидня-Тайманово (Shchukin 1989 III.11,26).¹¹ Создается

⁹ В Северном Причерноморье население зарубинецко-поянештской общности, скорее всего, выступало в союзе с роксоланами — Страбон сообщает о союзе последних и бастарнов (Strabo VII,3,17). Этому есть и ряд археологических свидетельств — Субботовская группа памятников и находки зарубинецко-поянештской керамики на позднекифиских и сарматских памятниках (Щукин 1972, 1994: 153,234).

¹⁰ Интересно, что часть романизированных памятников по своей культурной принадлежности могут быть интерпретированы и как зарубинецкие, и как поянешти-лукашевские (см. Кухаренко 1978, 1978а).

¹¹ Особое положение занимают мощинская и именьковская культуры, не стыкующиеся с классической ЗБК хронологически, в сложении которых тем не менее явно поучаствовали носители именно латени-

впечатление, что «классические» зарубинцы избегали общения со своими «романизованными» родственниками. Таким образом, начиная с I в. н.э. происходит наложение классических зарубинецких традиций на местные культуры балтского и финно-угорского круга. Постзарубинецкое романизованное население приняло участие в этом процессе значительно позднее и в других условиях (памятники киевского типа).

По вопросу об этнической принадлежности рассматриваемой группы памятников можно сказать следующее. Смена погребального обряда при сохранении населения, так же, как и смена погребального обряда при переходе в другие рода, была явлением заурядным (ср. Клейн 1988). Поэтому при исследовании этногенеза и культурогенеза решающее значение приобретают поселенческие материалы, менее регламентированные ритуальными ограничениями.¹² А эти материалы свидетельствуют о том, что, несмотря на частую смену культур, какое-то местное, пусть и немногочисленное, население существовало на Полесье и в Поднепровье начиная со скифского времени и вплоть до эпохи исторических славян. При появлении мощных центров влияния (Скифия, зарубинецкая культура, Сарматия, «Готское королевство») это местное население включалось в новые культуры, вплоть до полной потери культурного своеобразия, а в периоды отсутствия таких центров вновь появлялось в виде достаточно аморфных, невыразительных, а потому и археологически трудноуловимых групп памятников.

Уместно здесь вспомнить слова еще одного немецкого историка прошлого века: «бастарны подготовили образование позднейшего готского королевства, в котором и исчезли бесследно» (Энгельс 1961: 492). Затем исчезли готы, татаро-монголы и многие другие, а славяне так и живут до сих пор, время от времени примеря на себя очередную иноземную культуру — будь то реформы Петра I, «пруссачество» Павла, «французомания» Александра I или современная американизация.

Приведем несколько археологических примеров.

В скифское время памятники киевской группы подгорцевского варианта милоградской культуры (Еременко 1989: 78), сочетающие милоградские, кобанские и луицкие элементы, расположены чересполосно со скифскими, что позволило автору выдвинуть гипотезу о поселе-

зированных, а не романизованных традиций: в мощинской — почепского типа, в именинковой — полесского варианта ЗБК (Седов 1970: 40-48; Матвеева 1981, 1986).

¹² О том, что такие ограничения были очень строгими, свидетельствует исключительная редкость сознательного нарушения погребального обряда в эпоху РЖВ — например, совершение массовых захоронений по типу братских могил известно лишь в единичных случаях (Шинаков 1986: 69).

нии скифами пленников-мастеровых, захваченных в европейских и переднеазиатских походах, в глубине своей территории, на одной из самых дальних периферий (Еременко 1997а: 53).

Через значительный промежуток времени на той же территории (!) наблюдается чересполосное расположение памятников киевского типа и черняховской культуры. Более того, погребальный обряд постзарубинецких памятников киевского типа обнаруживает сходство не с классическим зарубинецким, а с милоградским! (Абашина 1986; Терпиловский 1984: 17). Возникает и интереснейшее явление, названное М.Б.Щукиным «кельтским ренессансом» (Щукин 1973). Не на таких ли же условиях, что и скифское время, возникли и эти культурные феномены?

Возможны были и обратные процессы, то есть принятие культурой «зарубиноидного» облика при очевидном сохранении прежнего населения. Здесь интересна гипотеза М.Б.Щукина о переселении сарматами части зарубинцев в Поволжье, приведшем в конечном счете к сложению именинковой культуры (Щукин 1986: 32).¹³

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что при определении этнической принадлежности культур РЖВ надо быть очень осторожным, поскольку этногенез и культурогенез в применении к происхождению славян (и не только славян) оказываются совершенно различными процессами, плохо коррелирующими между собой.

Перспективы. В применении к зарубинецко-поянештской общности первостепенной задачей представляется продолжение разработки новой хронологической системы, учитывающей разделение на рода и племена, направления культурных и родственных связей которых могли существенно различаться. Интересное исследование может получиться при рассмотрении с точки зрения гипотезы о «разведчиках» ранних и поздних латенских импортов к востоку от Карпат и ряда других категорий вещей, в частности, ясторфского происхождения (ср. Залашко, Еременко 1986; Еременко, Берлизов 1989; Еременко, Зуев 1989; Shchukin 1995; Flemming, Martens 1995; Еременко 1997 и др.). Соотношение зарубинецкого круга древностей с культурами предшествующего, скифского, и последующего, римского времени также может предстать в социальной ином свете.

Низкая социальная стратифицированность памятников типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецких по сравнению с кельто-латенскими, пшеворскими, оксывскими и римского времени

¹³ Пока неясно, к какому времени может быть отнесена ранняя дата последней (Матвеева 1981; 1986: 115). В ней заметно также пшеворское влияние, раскопан «княжеский» Тургаевский могильник, то есть ощутимы признаки, характерные уже для римского времени.

(см. Bujna 1982; Sankot 1980; Bergonci 1983; Kietlińska 1963) позволяет предположить, что при их исследовании предлагаемым методом могут быть получены гораздо более интересные результаты.

Проверка того, действительно ли выделяе-

ЛИТЕРАТУРА

- Абашина Н.С. 1986. Население Среднего Поднепрывья в III-IV вв. (по материалам киевской культуры). Автореферат канд.дисс. Киев.
- Абезгауз Г.Г., Еременко В.Е., Журавлев В.Г., Каргопольцев С.Ю. 1992. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Алексеев А.Ю. 1984. О месте Чертомлыкского кургана в хронологии скифских погребений // АСГЭ. Вып.25.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1989. Хронология могильника Брест-Тришин и эволюция погребального обряда // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*, Lublin.
- Бажан И.А., Еременко В.Е. 1992. Некоторые аспекты изучения хронологии железного века по методу П.Рейнке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Воронов Ю.Н. 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) М.
- Гусаков М.Г. 1985. Территория расселения и количество жителей у «племен» зарубинецкой культуры // Человек в древности и средневековье. М.
- Дельбрюк Г. 1994. История военного искусства. Т.II. Германцы. СПб.
- Елпашев С.В. 1997. Разрушенные погребения черняховской культуры // *Stratum + Петербургский археологический вестник*. СПб.-Кишинев.
- Еременко В.Е. 1988. Поморская культура, кельты в Южной Польше и поморская версия сложения латенизированных культур // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. ТД IV Конференции молодых ученых ИА АН СССР. М.
- Еременко В.Е. 1989. Археологическая карта милоградской культуры // Славяне: этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л.
- Еременко В.Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф.канд.дисс. Л.
- Еременко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.
- Еременко В.Е. 1997а. Относительная и абсолютная хронология Скифии: взгляд со стороны // *Stratum + Петербургский археологический вестник*. СПб.-Кишинев.
- Еременко В.Е. В печати. Пересмотр относительной хронологии восточного латена и позднего предримского времени: постановка проблемы.
- Еременко В.Е., Берлизов Н.Е. 1989. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар.
- Еременко В.Е., Журавлев В.Г. 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Еременко В.Е., Журавлев В.Г. В печати. Могильник Велемичи I и некоторые вопросы хронологии зарубинецкой культуры.
- Еременко В.Е., Зуев В.Ю. 1989. Михаил Иванович Ростовцев и проблема кельто-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И.Ростовцева. ТД. Новочеркасск.
- Еременко В.Е., Щукин М.Б. 1992. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Еременко В.Е., Щукин М.Б. 1998. Современное состояние хронологии латена и позднего предримского времени // АСГЭ. Вып.33.
- Залашко Г.М., Еременко В.Е. 1984. Новый зарубинецкий могильник на Полесье // СА. №2.
- Залашко Г.М., Еременко В.Е. 1986. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепрывье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. ТД. М.
- Каспарова К.В. 1976а. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Полесья // СА. №3.
- Каспарова К.В. 1977. О фибулах зарубинецкой культуры // АСГЭ. Вып.18.
- Каспарова К.В. 1978. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Вып.2.
- Каспарова К.В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. №2.
- Каспарова К.В. 1981а. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья. Автореф.канд.дисс. Л.
- Каспарова К.В. 1981б. Хронологическое соотношение зарубинецкой культуры и культур эпохи латена. // Контакты и взаимодействия древних культур. Краткие ТД конференции ОИПК Государственного Эрмитажа. Л.
- Каспарова К.В. 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. Вып.25.
- Каспарова К.В. 1986. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Каспарова К.В. 1988. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда // СА. №1.
- Каспарова К.В. 1989. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. T.II. Lublin.
- Каспарова К.В. 1992. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // *Ziemia polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami*. Rzeszów.
- Каспарова К.В. В печати. Заметки о погребальном

обряде верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры.

- Клейн Л.С. 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ. №4.
- Козак Д.А. 1983. Памятники рубежа и первых веков н.э. в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев.
- Кухаренко Ю.В. 1959. Чаплинский могильник // МИА. №70.
- Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Вып. Д I — 29. М.
- Кухаренко Ю.В. 1970. Погребение у села Пересыпки // МИА. №176.
- Кухаренко Ю.В. 1978. О так называемых зарубинецких памятниках в Подолии // Проблемы советской археологии. Вып. 2.
- Кухаренко Ю.В. 1978а. О памятниках поянештской культуры на Украине // Pracy i materiały Museum archeologicznego i etnograficznego w Łódz, Ser.arch. N 25.
- Лесман Ю.М. 1997. Вероятностная датировка комплексов однократного формирования // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.-Кишинев.
- Матвеева Г.И. 1981. О происхождении именовской культуры // Древняя и средневековая культура Поволжья. Куйбышев.
- Матвеева Г.И. 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс.н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Мачинский Д.А. 1965. Археологические памятники у с.Круглик и проблема зарубинецкой культуры // Тези доповідей подільська історико-краєзнавчої конференції. Хмельницький.
- Мачинский Д.А. 1966. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М.
- Мачинский Д.А. 1966а. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. Вып.107.
- Мельниковская О.Н. 1962. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии // СА. №1.
- Могильников В.А. 1979. Сравнительный анализ погребального обряда племен черняховской культуры и населения Готланда // Могильники черняховской культуры. М.
- Мончинська М. 1997. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV — VII вв.н.э. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.- Кишинев.
- Никитина Г.Ф. 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. — I тыс.н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Центральной Европы в I тыс. до н.э. — I тыс.н.э. М.
- Обломский А.М. 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф.канд.дисс. М.
- Обломский А.М. 1990. Периодизация и характер развития зарубинецкого комплекса Чаплинского могильника // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.
- Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днестра и Дона в I — IV вв.н.э. Москва-Сумы.
- Обломский А.М. 1992. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Сред-
- него Поднепровья и Днепровского Левобережья // РА. №1.
- Обломский А.М. 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. М.
- Обломский А.М. 1997. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии Чаплинского могильника // Stratum + Петербургский археологический вестник. Кишинев — СПб.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев.
- Пачкова С.П. 1984. Про культурну належність могильника поблизу с.Долиняни на Північній Буковині // Археологія. Вып.47.
- Пачкова С.П. 1985. Могильник у с. Вишеньки и его место среди памятников зарубинецкой культуры // ТД советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М..
- Петров В.П. 1959. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок В.В.Хвойки в 1899 г.) // МИА. №70.
- Поболь Л.Д. 1969. Древности Туровщины. Минск.
- Поболь Л.Д. 1971. Славянские древности Белоруссии. Минск.
- Поболь Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск.
- Самойловский И.М. 1959. Корчеватовский могильник // МИА. №70.
- Седов В.В. 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА. №163.
- Смирнова Г.И. 1981. Могильник типа Поянешти-Лукашевка у с.Долиняны на Буковине // СА. №3.
- Старостин П.Н. 1986. Именовские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Сымонович Э.А. 1983. Население столицы поздне скифского царства. М.
- Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-IV вв. Киев.
- Тихомиров Н.А. 1990. Княжинский и Лебединский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
- Циндровська Л.О. 1984. Зарубинецкії могильник Дівич-Гора // Археологія. Вып. 47.
- Шевченко Ю.Ю. 1997. Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб. — Кишинев.
- Шекун А.В., Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э. — VII в.н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.
- Шинаков Е.А. 1986. Захоронения I тыс. н.э. на городище у с. Случевск // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. Вып.14.
- Щукин М.Б. 1973. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса // КСИА. Вып.133.
- Щукин М.Б. 1978. О датировках узких и датировках широких // Проблемы археологии. Вып.2.
- Щукин М.Б. 1981. Зарубинецкая культура, янтарный путь и вены // Контакты и взаимодействия древних культур. Краткие ТД научной конференции ОИПК Гос.Эрмитажа. Л.
- Щукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Ев-

- ropły I tysiąclecia. Kuybyshev.
- Щукин М.Б. 1990. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск.
- Щукин М.Б. 1993. О галатах и дате декрета Протогена // *Скифия и Боспор*. Новочеркасск.
- Щукин М.Б. 1993а. Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и заруби-нецкой культур. // *Скифы. Сарматы. Славяне*. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского. ПАВ. Вып.6.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб..
- Энгельс Ф. 1961. К истории древних германцев // *К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения*. Т.16.
- Babeş M. 1969. Noi date privind arheologia și istoria Bastarnilor // *SCIV*. T.20 №2.
- Babeş M. 1970. Dacii și bastarnii // *Memoria Antiquitatis*. T.II.
- Babeş M. 1973. Germanische latènezeitliche Einwanderungen im Raum östlich der Karpaten // *Actes du IIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. Beograd.
- Babeş M. 1978. Moldova centrală și de Nord în secolele II-I e.n. Rez. tes. doctorat. București.
- Babeş M. 1983. Paftele latèneze tirzii din Sud-estul Europei // *SCIVA*. T.34. №3.
- Babeş M. 1993. Die Poienești-Lukașewka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten von Christi Geburt. Bonn.
- Bergonzi G. 1983. Münsingen-Rain (Svizzera) e Dürrnberg presso Hallein (Austria): a clue osservazione sulla struttura nel La Tène antico // *Popoli a facies culturali celtiche a nord e a sud delle Alpi dal V al I sec. A.C/ Milano*.
- Bujna J. 1982. Spiegelung der Sozialstruktur auf latènezeitlichen Gräberfelder im Karpatenbecken // *Památky archeologické*. R.LXXIII. — C. 2.
- Czarnecka K. 1990. Struktura społeczna ludności kultury przeworskiej. Warszawa.
- Czopek S. 1992f. Zabytki żelazne w materiałach grupy tarnobrzezkiej // *Ziemię polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami*. Rzeszów.
- Dąbrowska T. 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa.
- Dąbrowska T. 1988a. Bemerkungen zur Entstehung der Przeworsk-Kultur // *Prähistorische Zeitschrift*. Bd.63. Hf.1.
- Dąbrowska T. 1994. Wpływy jastorfskie na kulturą przeworską w młodszym okresie przedrzymskim // *Kultura przeworska*. T.1. Lublin.
- Die Germanen. 1976. Bd.2. Berlin.
- Domański G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III-I wieku p.n.e. Wrocław.
- Fenske R. 1986. Cosa. Ein Gräberfeld der vorrömischen Eisenzeit im Kreis Neubrandenburg. Berlin.
- Flemming K., Martens J. 1995. Southeast European influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. // *Acta Archaeologica*. - Vol.66. - København.
- Godłowski K. 1976. Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie Środkowej // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace archeologiczne*. Kraków.
- Griffith G.T. 1935. The mercenaries of the Hellenistic world. Cambridge.
- Hachmann R. 1961. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // 41 Bericht der Römisch-Germanische Kommission. Berlin.
- Kietlińska A. 1960. Problem tzw. Grobów ksążęcych we wczesnym okresie rzymskim // *Wiadomości archeologiczne*. T.XXVI.
- Kietlińska A. 1963. Struktura społeczna ludności kultury przeworskiej // *Materiały starożytne*. T.9.
- Kozak-Zychman W. 1989. Analiza struktury biologicznej grupy maślomskiej // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. T.II. Lublin.
- Marciniak J. 1960. Znaczenie planigrafii dla badań archeologicznych // *Archeologia Polski*. T.4.
- Martens J. 1996. Die vorrömische Eisenzeit im Südkandinavien: Probleme und Perspektiven // *Prähistorische Zeitschrift*. Bd.71. Hf.2.
- Nylen E. 1983. Relative und absolute Chronologie in Keltischer Kultur nördlich und südlich der Alpen. Eine kritische Analyse mit Hilfe von nordischem Fundmaterial // *Popoli a facies culturali celtiche a nord e a sud delle Alpi dal V al I sec.B.C. Milano*.
- Peschel K. 1977. Frühe Waffengraben im Gebiet der südlichen Elbgermanen // *Symposium Ausklang der Latène-Zivilization und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet*. Bratislava.
- Reinecke P. 1902. Zur Kenntnis der La-Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen // *Festschrift der Römische — Germanische Zentralmuseums zu Mainz*.
- Sankot P. 1980. Studien zur Sozialstruktur der nordalpinen Flachgräberfelder der La Tène-Zeit im Gebiet der Schweiz // *Zeitschrift der Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*. Bd.37.
- Szczukin M.B. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk.
- Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st century B.C. — 1st century A.D. // *British Archaeological Reports. - International Series*. N 542. TT.1-2.
- Shchukin M.B. 1995. The Celts in Eastern Europe // *Oxford Journal of Archaeology*. V.14. N 2.
- Ščukin M.B., Eremenko V.E. 1991. Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer in Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène-Chronologie // *Acta Archaeologica Carpathica*. T.XXX.
- Shchukin M.B., Vaškova I.P., Schevchenko Yu.Yu. 1993. New finds of «Kronenhalsringe» in the Chernigov region, Ukraine, and some problems of their interpretation // *Acta archaeologica*. V.63.
- Smirnova G.I., Megei V.F. 1995. Necropola plană de tip Poienești-Lukașevka de la Dolinjanj // *SCIVA*. T.46.
- Tackenberg K. 1963. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischinew, Moldau-Republik // *Alt-Thüringen*. Bd.VI.
- Tackenberg K. 1963a. Eine Fibel südrussischer Form mit Mittellatèneschema von der Elbmündung // *Die Kunde*. Bd.14.
- Venclová N. 1973. Otázky etnické příslušnosti podmokelské a kobyiské skupiny // *Archeologické Rozhledy*. T.25.
- Vulpe R. 1955. Le probleme des Bastarnes à la lumiere des découvertes archeologiques en Moldavie // *Nouvelles études d'histoire, présentées au X-me Congrès des Sciences Historiques à Rome*. București.
- Wolągiewicz R. 1979. Kultura pomorska a kultura oksywska // *Problemy kultury pomorskiej*. Koszalin.